

Императоръ Николай I, какъ носитель идеи франко-русскаго союза.

III ¹⁾.

Недовольство Императора Николая I тѣмъ временемъ росло и не замедлило обнаружиться вполне явственно; циркуляръ отъ 16-го августа отзывалъ изъ Франціи всѣхъ русскихъ подданныхъ и запрещалъ французамъ въѣздъ въ предѣлы Россіи. Указъ отъ 20-го августа запрещалъ французскимъ судамъ появляться въ русскихъ водахъ подъ *трехцвѣтнымъ* флагомъ. Нѣсколько судовъ, показавшихся подъ Кронштадтомъ съ новымъ вымпеломъ, не были впущены въ рейдъ. Наконецъ, 23-го августа, когда Государь вернулся изъ кратковременной поѣздки по Финляндіи, главарь враждебной Франціи партіи въ Россіи, военный министръ графъ *Чернышевъ* явился къ французскому посланнику и завелъ съ нимъ слѣдующій разговоръ: „Вы знаете, до какой степени его величество недоволенъ тѣмъ, что произошло во Франціи. Онъ рѣшилъ вручить вамъ ваши паспорта и прервать всякія сношенія съ Франціей“. — Воинственный *Чернышевъ* совѣтовалъ даже *Бурюэну* не добиваться свиданія съ Императоромъ—до такой-де степени онъ разгнѣванъ! Но французскій дипломатъ не потерялъ присутствія духа; онъ тотчасъ же отправился къ князю *Ливену*, временно исполнявшему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, который заговорилъ съ нимъ совсѣмъ иначе и подалъ ему надежду на возможность успокоить царя.

Въ 11 часовъ вечера того же дня *Бурюэнь* былъ принятъ Императоромъ во дворцѣ на Елагиномъ островѣ. Разговоръ былъ продолжителенъ и весьма оживленъ. *Бурюэнь*, какъ раз-

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

сказываетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ, началъ съ того, что указалъ на послѣдствія разрыва: нѣтъ сомнѣнія, что весь дипломатическій корпусъ покинетъ Парижъ въ одинъ день съ русскимъ посланникомъ; а тогда Франція неудержимымъ потокомъ снова набросится на Европу, не давъ ей времени приготовиться къ борьбѣ. Императоръ отвѣчалъ на это, что еще не рѣшилъ окончательно, какой держаться политики. *Бурюзэ* настаивалъ: „если я выйду изъ этого кабинета, не убѣдивъ ваше величество, то начнется война еще болѣе напряженная и кровопролитная, чѣмъ войны временъ революціи и имперіи; и вы, государь, отвѣтите за это передъ Богомъ“.

Николай I выразилъ надежду, что Господь избавитъ его отъ столь тяжелой отвѣтственности, и затѣмъ пообѣщавъ не дѣйствовать поспѣшно. Онъ увѣрялъ *Бурюзэ*, что не можетъ дать окончательнаго отвѣта, не снесшись съ другими державами, но что онъ не имѣетъ въ виду объявить Франціи войну.

Тогда посланникъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ: полагаетъ ли Императоръ, что его представители въ Парижѣ удержатся отъ оскорбительныхъ выходокъ и намѣренно-демонстративнаго проявленія знаковъ холодности? Дѣло въ томъ, что теперь Франція совершенно оправилась отъ прежняго погрома, духъ націи поднялся, и малѣйшаго повода достаточно, чтобы сдѣлать всякое соглашеніе немыслимымъ. Сверхъ того, прибавилъ *Бурюзэ*, если Россія приметъ явно угрожающее положеніе по отношенію къ Франціи, то послѣдней придется по неволѣ вступить въ тѣсную связь съ Англіей. Этотъ доводъ подѣйствовалъ видимо сильно на *Николая I*.

— „Имѣйте въ виду, сказалъ Императоръ,—громадную разницу между Россіей и Англіей. Даже когда у васъ происходятъ вещи, для меня огорчительныя, я все же и по-прежнему принимаю близко къ сердцу интересы Франціи. За послѣднее время меня не покидала и тревожила мысль, что нѣкоторыя европейскія державы, завидуя вашимъ завоеваніямъ въ Алжирѣ, попробуютъ воспользоваться настоящими безпорядками, чтобы поспорить съ вами изъ-за этого прекраснаго пріобрѣтенія. Что касается Австріи, то она дрожитъ за свои итальянскія владѣнія; этотъ страхъ и вызываетъ въ ней сожалѣніе о новой революціи во Франціи,—но тутъ и единственная причина ея чисто показнаго участія: какія бы бѣды ни стряслись надъ вами, она никогда не станетъ грустить. Мы же, наоборотъ, счастливы, когда Франція начинаетъ усиливаться и благоденствовать“.

Благодаря этой продолжительной интимной бесѣдѣ, немедленный разрывъ былъ устраненъ. Бургоэнъ напомнилъ еще Императору, что этотъ послѣдній приглашалъ нѣсколько недѣль тому назадъ посланника поѣхать вмѣстѣ осмотрѣть войска, расположенныя въ окрестностяхъ Петербурга. Императоръ Николай, не желая брать слово назадъ, замѣтилъ только, что совмѣстная ихъ поѣздка „сильно всѣхъ изумить“.

На слѣдующій день члены дипломатическаго корпуса сдѣлали визитъ *Бургоэну*.

— Правда ли, спрашивали они — что вы скоро уѣзжаете изъ Петербурга?

— Да, безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ тотъ не безъ самодовольства, — я ѣду черезъ три дня, но вмѣстѣ съ Императоромъ — осмотрѣть его войска.

Время было выиграно, но, собственно говоря, ни одинъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ. Такъ, напримѣръ, ближайшій разговоръ Императора съ Бургоэномъ начался фразой:

— „Скажите, нѣтъ ли у васъ новостей отъ вашего правительства, отъ господина *lieutenant général du royaume* (титულъ, принятый первоначально герцогомъ Орлеанскимъ Луи-Филиппомъ съ согласія Карла X. Императоръ Николай I сравнительно долгое время не соглашался признать вступившаго, послѣ июльской революціи, на престолъ Луи-Филиппа королемъ Франціи, величая его по-прежнему лишь „генераль-лейтенантомъ королевства“). Вѣдь вы ужъ знаете, что я не признаю никакого другого порядка вещей и что этотъ я рассматриваю, какъ единственный, законный, потому что онъ проистекаетъ отъ законной королевской власти... Да, таковъ мой образъ мыслей; принципъ легитимизма—вотъ чѣмъ я буду неуклонно руководствоваться. Никогда, никогда я не соглашусь признать все то, что происходитъ во Франціи.

— Государь, отвѣчалъ *Бургоэнъ*, не слѣдуетъ говорить *никогда*: въ наши дни этого слова нельзя произносить.

Между тѣмъ Императору *Николаю I* со всѣхъ сторонъ совѣтовали придерживаться осторожной политики. *Матусевичъ* изъ Лондона настаивалъ на необходимости признать новое правительство, если не хотять поставить Россію въ совершенно изолированное положеніе и „низвести на степень азіатскаго государства“. *Нессельроде* говорилъ въ томъ же духѣ. Но сильна была и партія войны. Императоръ колебался.

Непріязненно смотрѣли на воцареніе *Луи-Филиппа* и въ Берлинѣ, гдѣ воинственный духъ сѣялъ пылкій фельдмаршалъ

графъ *Дибичъ-Забалканскій*, посланный со спеціальнымъ порученіемъ къ прусскому королю и прозванный въ шутку „самоваромъ“, такъ какъ своей короткой, толстой фигурой и кипучимъ темпераментомъ походилъ на эту полезную и пріятную принадлежность въ домашнемъ обиходѣ. Впрочемъ, прусскій король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* былъ въ высшей степени остороженъ и прямо не обѣщалъ примкнуть къ коалиціи противъ Франціи. Австрійская политика, заправляемая *Меттернихомъ*, смотрѣла, какъ уже замѣчено, не менѣе косо на новый порядокъ вещей во Франціи. Словомъ, ни одна великая держава не выражала согласія на признаніе *Луи-Филиппа* королемъ, и, судя по общему настроенію, можно было предполагать, что Франціи предстоитъ новая тяжкая борьба съ Европой.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ *Луи-Филиппъ* обнаружилъ большую тактичность и сдержанность. Прежде всего онъ призвалъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ прежняго министра реставраціи, *Моле*. Затѣмъ, сообразивъ съ замѣчательной прозорливостью, что признанія легче всего добиться отъ Австріи, онъ послалъ императору *Францу II* письмо, въ которомъ объяснилъ обстоятельства, заставившія его принять корону. Это письмо было отвезено генераломъ *Бельярдомъ*, весьма ловкимъ дипломатомъ. Австрійскій императоръ отвѣтилъ *Луи-Филиппу* официальнымъ посланіемъ, смыслъ котораго заключался въ томъ, что Австрія готова признать совершившійся переворотъ, если новый король не поддастся революціоннымъ стремленіямъ и откажется отъ всякой поддержки этимъ идеямъ въ другихъ государствахъ Европы. 4-го сентября генералъ *Бельярдъ* имѣлъ особую аудіенцію у императора Франца II, и въ этотъ же самый день австрійское правительство признало *Луи-Филиппа* королемъ французовъ. Вслѣдъ за тѣмъ и Англія, поддаваясь общественному голосу, признала также новаго короля. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* заявилъ *Дибичу*, что въ виду признанія Англіей и Австріей новаго государственнаго порядка во Франціи, Пруссія не имѣетъ никакого особаго основанія упорствовать въ своемъ отказѣ, а потому охотно присоединяется къ двумъ поименованнымъ великимъ державамъ. Въ одинъ день съ письмомъ къ австрійскому императору *Луи-Филиппъ* отправилъ анонимное посланіе къ *Николаю I*, съ генераломъ *Аталеномъ*.

Послѣдній повелѣ дѣло весьма осторожно и ловко, благодаря чему *Николай I*, узнавъ о рѣшеніи прочихъ державъ, вскорѣ отвѣтилъ *Луи-Филиппу* приблизительно такъ же, какъ и австрій-

скій императоръ. Такимъ образомъ, въ сентябрѣ 1830 года новое французское правительство добилось признанія всѣхъ европейскихъ державъ. Желая сдѣлать угодное Императору *Николаю*, французскій король послалъ въ Петербургъ своимъ представителемъ герцога *Мортмара*, занимавшаго уже этотъ постъ при Карлѣ X и пользовавшагося тогда особымъ расположеніемъ русскаго Императора.

Съ признаніемъ короля *Луи-Филиппа*, однако, далеко еще не всѣ затрудненія были улажены, и бельгійская революція скоро дала новую пищу негодованію Императора Николая I противъ іюльскаго переворота въ Парижѣ. Переписка Императора съ фельдмаршаломъ *Дибичемъ* служитъ яснымъ доказательствомъ, что до самаго ноября мѣсяца *Николая I* не покидала мысль о вооруженномъ вмѣшательствѣ во франко-бельгійскія дѣла. Царь не только не тушилъ кипучій „самоваръ“, но еще поджигалъ его. Но въ это время партія мира нашла себѣ твердую точку опоры какъ разъ въ Пруссіи. Король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* всю свою жизнь не могъ забыть, перенесенныя имъ послѣ несчастной кампаніи 1806 — 7 года, униженія въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ отъ безпощадныхъ французскихъ побѣдителей. Онъ сдѣлался съ годами до трусости осторожнымъ и боязливымъ: къ войнѣ же онъ никакого пристрастія не питалъ. Правда, король далъ приказъ сосредоточить 80-тысячную армію на Рейнѣ, но это было сдѣлано подъ давленіемъ изъ Петербурга. Когда онъ сидѣлъ, однажды, въ своей театральной ложѣ вмѣстѣ съ *Дибичемъ*, ему подали депешу Императора *Николая I*, въ которой Пруссія приглашалась принять немедленно участіе въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Австріи противъ Франціи. Прочитавъ депешу, *Фридрихъ-Вильгельмъ III* обратился съ горькой усмѣшкой къ фельдмаршалу *Дибичу* со словами: „Въ Петербургѣ любятъ подавать слишкомъ горячія блюда на столъ, тамъ видимо еще не обожглись. Насъ приглашаютъ любезнымъ, вѣжливымъ жестомъ начать военный контрадансъ, обѣщая въ скоромъ времени присоединиться къ нему. Но Императоръ *Николай* не принимаетъ въ соображеніе, что пока его армія придетъ намъ на помощь, французы порядкомъ таки успѣютъ поколотить насъ на Рейнѣ и дойти даже до Берлина“.

Въ бельгійскія дѣла прусскій король рѣшилъ не вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что Франція провозгласила принципъ полного невмѣшательства и заявила посланнику *Фридриха-Вильгельма III*, что фактъ появленія прусскихъ войскъ на бельгійской территоріи будетъ учтенъ, какъ враждебный по отношенію

къ Франціи поступокъ. Понятно, что послѣ такой угрозы Пруссія старалась не давать Франціи ни малѣйшаго предлога къ нападенію.

Тогда Николай I послалъ въ Австрію графа *Орлова*, который вполнѣ сочувствовалъ воинственнымъ проектамъ *Чернышева*. Оффиціальная миссія *Орлова* заключалась въ томъ, чтобы присутствовать при торжественной коронаціи эрцгерцога *Фердинанда* въ Пресбургѣ ¹⁾, а въ дѣйствительности онъ долженъ былъ вступить въ тайные переговоры съ *Меттернихомъ*. „Мемуаръ графу Орлову“, помѣченный 6-го октября, показываетъ намъ, какой образъ мыслей обнаружился при вѣнскомъ дворѣ подъ вліяніемъ бельгійскихъ дѣлъ и, можетъ быть, начавшагося уже броженія въ Италіи. Указавъ на то, что іюльская революція нашла громкій отзвукъ въ странахъ за предѣлами Франціи, *Меттернихъ* допускаетъ возможность войны между Франціей и ея сосѣдями, которые считаютъ себя обязанными охранять спокойствіе Европы. Во всякомъ случаѣ, говоритъ мемуаръ, три великія континентальныя державы должны подвести итоги своимъ военнымъ силамъ и, какъ можно скорѣе, поставить ихъ на боевую ногу, чтобы въ случаѣ необходимости, имѣть наготовѣ компактную силу, способную поддержать дипломатическія представленія. Вслѣдъ за тѣмъ *Меттернихъ* протестовалъ противъ *принципа невмѣшательства*.

„Если бы *принципъ невмѣшательства*, говорилъ онъ, служилъ гарантіей того уваженія, которымъ обязаны державы одна по отношенію къ другой, то императоръ австрійскій первый сталъ бы на его сторону. Но за послѣднее время этотъ принципъ часто поддерживалъ не независимость отдѣльныхъ государствъ, а враждебную дипломатію“.

Несмотря на *видимую солидарность* Австріи, *Нессельроде* совѣтовалъ Императору *Николаю I* не вмѣшиваться прямо въ бельгійскій вопросъ и предоставить инициативу въ этомъ дѣлѣ другимъ державамъ, болѣе заинтересованнымъ въ силу хотя-бы своего географическаго положенія.

Николай I сначала не раздѣлялъ взглядовъ своего вице-канцлера. Я думаю вести войну,—отвѣчалъ онъ,—не противъ Бельгіи, а противъ самаго революціоннаго духа, который мало-

¹⁾ О какой торжественной коронаціи въ Пресбургѣ эрцгерцога *Фердинанда* говоритъ Артуръ Дежарденъ, намъ не совсѣмъ ясно. Австрійскій императоръ *Францъ II* былъ еще живъ и пользовался вождѣленнымъ здравіемъ. Быть можетъ, рѣчь идетъ о провозглашеніи эрцгерцога палатиномъ Венгріи?

по-малу и скорѣе, чѣмъ можно было предполагать, станетъ угрожать намъ самимъ, если мы обнаружимъ страхъ передъ нимъ.

18-го октября Императоръ сообщилъ британскому правительству, что онъ готовъ немедленно двинуть 60.000-ное войско, чтобы, при согласіи и поддержкѣ другихъ державъ, возобновить соединеніе Бельгіи съ Голландіей. Въ то же время три континентальныя державы окончательно выработали планъ, по которому предполагалось, что прусскія силы будутъ сосредоточены на Рейнѣ, австрійскія—въ Италиі, а русскія на западныхъ границахъ имперіи. Вѣнскій кабинетъ заявилъ, что имѣетъ наготовѣ 200-тысячную армію, а отъ Россіи ожидаетъ по крайней мѣрѣ 150.000 солдатъ. *Такимъ образомъ война казалась неизбежной!*

IV.

Въ этотъ критическій моментъ *Матусевичъ* въ Лондонѣ сдѣлалъ еще одну послѣднюю, отчаянную попытку отвратить Императора *Николая I* отъ разрыва съ Франціей. Онъ написалъ *Нессельроде* частное письмо въ формѣ меморандума, въ которомъ изложилъ съ присущей ему откровенностью и неподдѣльной искренностью свои взгляды на предстоящую авантюру, затѣянную по какому-то фатальному недоразумѣнію и непониманію историческихъ задачъ Россіи. Онъ доказывалъ, что это будетъ война за *отвлеченный принципъ* и не принесетъ никакой пользы Россіи, такъ какъ не дастъ ей ни малѣйшаго территориальнаго приобрѣтенія; поражение будетъ роковымъ, побѣда—тягостной. „Предположимъ, — писалъ *Матусевичъ* — что наши войска въ Парижѣ: что намъ тогда дѣлать съ Франціей? Подѣлать ее? Изъ-за такого дѣлежа возникнутъ еще двадцать войнъ. Подвергнуть ее вѣчной оккупациі? Тогда надо будетъ держать въ ней 500-тысячную армію. Наконецъ русскія войска, оставаясь слишкомъ продолжительное время во Франціи, сами могутъ заразиться революціонными идеями“...

На эти соображенія, такъ умѣло подкрѣпленными логическими доводами, возражать было нечего, и, въ концѣ-концовъ, въ Петербургѣ признали политическіе взгляды *Матусевича* „столь же справедливыми, какъ и глубокими“. Воинствующая партія *Чернышева, Орлова, Дибича* и другихъ представителей высшаго столичнаго общества потерпѣла полное пораженіе. Насколько *Матусевичъ* дѣйствовалъ, за все время пребыванія своего въ Лондонѣ, рѣшительно, самостоятельно, рискуя даже своимъ положеніемъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. На рапортъ *Нессельроде* отъ 18-го октября Императоръ *Николай I* собственною рукою

надписалъ: „Отступать уже нельзя; вы должны приготовить ноту тремъ державамъ о томъ, что необходимо *поставить революціи барьеръ изъ штыковъ*“. Вслѣдствіе этого русскому посланнику въ Лондонѣ приказано было сообщить герцогу *Велмингтону* о скорой мобилизаціи арміи. Но *Матусевичъ*, зная, что англійское общественное мнѣніе все рѣзче и рѣзче высказывается противъ вооруженнаго вмѣшательства, рѣшилъ подождать съ передачей приказанія изъ Петербурга.

Торійскій кабинетъ держался тогда уже на волоскѣ. И дѣйствительно, скоро герцогу *Велмингтону* пришлось подать въ отставку; его мѣсто занялъ лордъ *Грей*, который относился къ политикѣ вмѣшательства крайне враждебно. На эти-то перемѣны въ англійскомъ правительствѣ и указывалъ *Матусевичъ* въ оправданіе своего непослушанія. Вскорѣ на постъ посла въ Лондонѣ возвратился князь *Ливенъ*, который, не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ *Матусевичъ*, указывалъ на то, что Англія не только не вступитъ въ борьбу съ Франціей, но даже будетъ поддерживать ее противъ континентальныхъ державъ. Понятно, что энергичныя настоянія *Нессельроде*, *Ливена*, *Матусевича* и *Поццо-ди-Борго* не могли не оказать вліянія на образъ мыслей Императора *Николай I*. Но этого одного было мало, чтобы сломить его рѣшимость. Къ счастью на помощь нашимъ дипломатамъ пришелъ цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ.

Прежде всего въ поведеніи Австріи *обнаружилась обычная страшная фальшь*. Когда началось броженіе въ Италіи, *Меттернихъ* всецѣло приписалъ это дѣло парижскимъ революціоннымъ комитетамъ. Вѣнскій дворъ, признавая *Луи-Филиппа*, надѣялся, что онъ справится съ революціонной пропагандой, но обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Тогда *Меттернихъ* сдѣлалъ русскому послу въ Вѣнѣ, *Татищеву*, неожиданное предложеніе. Допуская, что молодость герцога *Бордоскаю* не позволяетъ выставить его кандидатомъ на французскій тронъ, *Меттернихъ* напоминалъ, что *существуетъ на свѣтѣ сынъ Наполсона I, герцогъ Рейхштатскій* и заявилъ, что въ Вѣнѣ окончательно рѣшено пустить въ ходъ это средство, если парижскій кабинетъ будетъ протестовать противъ вооруженнаго вмѣшательства Австріи въ итальянскія дѣла. *Татищевъ* сообщилъ немедленно это болѣе чѣмъ странное предложеніе въ Петербургъ. На этотъ разъ *Николай I* вполне согласился съ *Нессельроде*. Онъ заявилъ австрійскому правительству, что вполне раздѣляетъ его взгляды касательно необходимости подавить революціонное броженіе въ Италіи, что готовъ морально и матеріально поддержать Австрію въ этомъ стремле-

ніи, но въ то же время *отказывался категорически* выставить герцога *Рейхштатскаю* противъ *Луи-Филиппа. Меттерниху* пришлось отказаться отъ хитро задуманнаго проекта наполеоновской реставраціи, но, во всякомъ случаѣ, этотъ инцидентъ значительно охладилъ русско-австрійскія отношенія. Императоръ *Николай I* убѣдился наглядно въ необычайномъ эгоизмѣ Австріи, не брезговавшей никакими средствами при преслѣдованіи своихъ завѣтныхъ цѣлей. Защищая правой рукой идею легитимизма, она безъ малѣйшаго смущенія готова въ то же время сѣять лѣвой рукой революціонную смуту, разъ это сулитъ ей выгоду.

Но главной причиной, отвлекшей вниманіе *Николая I* отъ Франціи и Бельгіи и сдѣлавшей крайне затруднительнымъ вооруженное вмѣшательство въ западно-европейскія дѣла—явилось внезапно и съ необычайной силой вспыхнувшее 17-го ноября 1830 года польское возстаніе, потребовавшее отъ Россіи большаго и довольно продолжительнаго напряженія силъ. Послѣ усмиренія польскаго возстанія, государственно-политическія выгоды, явно проистекавшія изъ союза съ Франціей, взяли окончательный перевѣсъ надъ всѣми другими соображеніями, и Императоръ *Николай I* вполне и искренно примирился съ *Луи-Филиппомъ*. Попытки *Меттерниха* посѣять раздоръ между Россіей и Франціей; его предсказанія о скоромъ паденіи іюльской монархіи, долженствующей уступить мѣсто радикальнѣйшей яacobинской республикѣ, встрѣтили холодный отпоръ въ Петербургѣ. Происки вѣнскаго кабинета не находили уже прежней благопріятной для нихъ почвы при русскомъ дворѣ, они имѣли даже отчасти обратное дѣйствіе. Императоръ *Николай I* сталъ все ласковѣе и предупредительнѣе обращаться съ французскимъ посланникомъ, высказывая при этомъ открыто желаніе сблизиться съ Франціей. Онъ разрѣшилъ *Наслѣднику Цесаревичу, Александру Николаевичу* посѣтить Алжиръ и затѣмъ еще одинъ изъ французскихъ военныхъ портовъ. Затѣмъ поддержалъ французскій банкъ въ затруднительный для него моментъ, усердно оказывая помощь французской политикѣ и тѣмъ самымъ становился нерѣдко въ натянутыя отношенія съ лордомъ *Пальмерстономъ*. Дѣло близилось уже къ формальному союзу, когда вспыхнувшая февральская революція снова отодвинула на долгое время франко-русское сближеніе.

Въ историческихъ очеркахъ западно-европейскихъ и многихъ русскихъ писателей проводится основная мысль, что Императоръ *Николай I* смотрѣлъ на всѣ политическіе вопросы съ крайне односторонней и отчасти предвзятой точки зрѣнія.

Его ультра-консервативныя убѣжденія не мирились-де ни съ какими вновь открывающимися горизонтами въ области международныхъ сношеній, разъ предполагаемая новая группировка державъ хоть косвеннымъ образомъ нарушала или игнорировала принципы легитимизма и абсолютистическаго монархизма. Въ подобныхъ сужденіяхъ, укоренившихся даже въ строго научныхъ сочиненіяхъ по исторіи новѣйшаго времени, нѣтъ той объективной правды, безъ которой невозможна какая-либо правильная оцѣнка недавняго прошлаго и характеристика главнѣйшихъ дѣятелей той эпохи, о которой идетъ рѣчь. Интересныя изслѣдованія *Артура Дежардена* объ отношеніи Императора *Николая* къ Франціи вообще, а къ событіямъ польской революціи въ частности, опровергають во многихъ отношеніяхъ большинство ходячихъ историческихъ сплетенъ, которыя не переставали распространять даже спустя полъ-столѣтія послѣ смерти этого безусловно весьма выдающагося по уму и характеру монарха. Что Императоръ *Николай I* всю жизнь мечталъ объ осуществленіи, задуманной еще Александромъ I, мысли на счетъ франко-русскаго союза, объ этомъ свидѣтельствуетъ трудъ *Дежардена* убѣдительнонѣйшимъ образомъ. Если же всѣ старанія въ этомъ направленіи не могли привести къ конкретной цѣли, то виноваты были въ этомъ не люди, а обстоятельства, о которыя разбивались, какъ о гранитную скалу, всѣ благія намѣренія и сокровенныя желанія русскаго Самодержца. Если Императоръ *Николай I* отъ событій февральской революціи 1848 года приходилъ прямо въ отчаяніе, то отнюдь не по причинѣ опасенія—какъ объ этомъ стараются увѣрить многіе историки—что мятежь можетъ переброситься въ Россію, а вслѣдствіе увѣренности относительно невозможнаго дальнѣйшаго пребыванія Россіи и Франціи въ одной и той же политической орбитѣ. Историческіе интересы отходили вопреки здравому смыслу на задній планъ, а политическая интрига выдвигала на первое мѣсто новыя формулы мишурнаго народнаго благополучія, льстя „демократическимъ“ на словахъ, а *демагогическимъ* на дѣлѣ вожделѣніямъ безразсудной толпы. Съ горькой обидой на злосчастную судьбу пришлось Императору *Николаю I* отказаться отъ закрѣпленія своей подписью франко-русскаго союза. Но исторія, повинувась законамъ тяготѣнія, предоставила правнуку *Николая I* завершить то, о чемъ такъ долго мечталъ державный властелинъ, 30 лѣтъ царствовавшій не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Сообщ. М. В. Станиславскій.